

ОЦЕНКИ, ВПЕЧАТЛЕНИЯ, ОБЗОРЫ

ЛЮДИ ИСКУССТВА

ВСТРЕЧИ НА ФОНТАНКЕ

В театре, что на Фонтанке, в Большом драматическом имени М. Горького, заканчиваются последние приготовления к вечернему спектаклю. Дают «Этого пылкого влюбленного» Н. Саймона с Алисой Фрейндлих и Владиславом Стржельчиком. Спектакль предстает легким, искрометным, блистающим отточенным мастерством исполнителей, каскадом стремительно сменяющих друг друга комедийных сцен, неожиданных превращений.

Стржельчик начинает гримироваться сам. Молчит. Как-то искоса и не очень-то дружелюбно поглядывает на себя в зеркало. Нет, определенно не нравится ему это лицо. Совершенно невыразительное. Не то, опять не то. Мощный рывок в коридор. Зычное, раскатистое: «Гри-меры!». «Солнце мое, — семь часов, а я еще не готов!» — это уже к подоспевшей пожилой гримерше. В ответ — ироничное молчание, скользкие касания ловких рук. И вот лицо, и самый взгляд уже не те, не прежние, преображенные не столько легкими линиями теней, сколько внутренним, лихорадочным возбуждением, когда актер уже ничего не видит и не слышит, а только пристально, по-новому зорко вглядывается в свое отражение в зеркале. Трансляция включена. Зал наполняется, гудит.

Вот оно, чудо актерского, человеческого преображения, уместившееся в несколько мгновений, а потребовавшее взамен всю жизнь без остатка. Момент не очень подходящий для расспросов. Но, может быть, именно сейчас, когда отброшено все суетное, второстепенное, спросить о главном?

— Откуда у человека появляется страсть к театру, которая не оставляет его потом всю жизнь? Как это происходит?

Коренной петербуржец, а, вернее, тогда уже петроградец, Стржельчик родился и вырос в самом центре города, на улице Гоголя, бывшей Морской. Район очень театральный, пышный, парадный, до Дворцовой площади — рукой подать. Эрмитаж, Адмиралтейство, пушкинская Мойка, капелла мальчиков им. М. Глинки, учиться в которой было истинным наслаждением. Все рождало в душе особый отзвук, пробуждало ни с чем не сравнимое ощущение внутренней причастности к прошлому величественного города, его культурным традициям. Воспитанием детей в основном занималась мать. Отец — инженер-металлист с утра до ночи, как правило, пропадал на заводе. Не имея музыкального образования, мать прекрасно пела, подбирала по слуху, часто брала сыновей с собой в Эрмитаж, где служила сотрудником в отделе искусств Востока. Иногда по воскресеньям позволяла слушать прекрасный орган в костеле св. Кaterины, что на Невском, — Бах, Гендель, Гайдн. Знакомый реквизитор доставал заветные контрамарки в Александринку, Мариинский театр. Искусство входило в жизнь постепенно, несуетно, оно воспринималось через реалии повседневной жизни, но от этого не становилось будничным, обыденным, не утрачивало привкуса тайны.

По счастливому стечению обстоятельств школа, в которой учился Стржельчик, была подшефна Эрмитажу.

— И в Эрмитажном театре, — рассказывает Владислав Игнатьевич, — в этом царском театре, где со времени Екатерины устраивались изысканные представления, сияли золотом кулисы, а зрительный зал утопал в бархате и хрустале, мы со всей серьезностью, даже неожиданной для совсем зелененьких ребятшек, готовили спектакли. И с такой же серьезностью, как ни странно, относились к нам и зрители: в партере, окруженный коллегами, сотрудниками, восседал сам знаменитый И. А. Орбели в своей академической черной шапочке. Как странная жизнь: надо же было так случиться, что спустя почти сорок лет я вновь окажусь на этой сцене, на съемках фильма «Всегда со мной» и некоторые сюжетные линии фильма почти зеркально отразят многое из того, что было со мной в войну, блокаду. Фильм и вправду очень точно назван. Действительно — всегда со мной. И война, и смерть матери, истощенной блокадой, все страшное, что было тогда, и дорогое, и смешное, и трогательное.

Пройдя всю войну сначала рядовым, потом старшим сержантом, он в своем артистическом послужном списке никогда ниже полковника не опускался. А уж сколько было лощеных генералов, коронованных особ, которых он переиграл! И хотя были удачи яркие, запоминающиеся, как, например, немецкий генерал Готбург в фильме «Как вас теперь называть?», Правитель («Визит вежливости»),

уже стали раздаваться упреки в таком царственном однообразии. К тому же примерно в таком же ключе сыграны были им в кино и самые разные «темные» личности — дельцы всех мастей и калибров, спекулянты, шулера. К слову сказать, несмотря на сомнительный род занятий, во всех них присутствовала какой-то особый артистизм, человеческая незаурядность. В их насмешливом прищуре, барской лености угадывались размах и широта души, жизнерадостность и подкупающая открытость. Все в них было легко, весело, с шиком. И каждый раз создавалось впечатление, что и сами деньги, и положение, и связи, которых они так жаждали и к которым так стремились, интересовали их не сами по себе, а как некая возможность игры, риска, приложения жизненных сил.

Казалось, круг актерских пристрастий был раз и навсегда твердо очерчен, возможности определены. Но вот судьба послала режиссера не берущего, а дающего. Работая над фильмом «Адъютант его превосходительства», Е. Ташков стал одним из немногих, кто захотел опровергнуть сложившиеся стереотипы восприятия актера. За обманчивой внешностью героя-любовника он увидел не оцененную еще глубину и душевную тонкость и просто интересного, крупного человека по уму, образованию, отношению к жизни. Впервые за много лет работы в кино оказались «неостребованными» светскость, импозантность, умение щегольски носить фрак, камзол. Вместо этого пришло другое — тонкий психологизм, спокойное чувство самоценности. Огрузившая и, кажется, сугубо штатская фигура генерала Ковалевского излучала уверенность, не демонстрирующую себя мужественность, за круглыми стеклами очков смотрели проникновенно-умные, успешные в себя глаза, загоравшиеся то блеском мудрости, то гневом, то добродушием.

Подобная полнота самореализации, душевной взволнованности появлялась в творчестве Стржельчика всякий раз, когда он «попадал» на свою человеческую тему, неожиданно и счастливо соприкасался с тем «игровым материалом», который был близок ему в силу личных пристрастий. Вот, например, блистательный, парадоксальный Николай Рубинштейн из фильма «Чайковский», в характере которого с легкостью уживались истинно русское великодушие и бескорыстие с обжигающим высокомерием. И вместе с тем ничего ничтожно мелкого, тщеславного, ни тени пошлого премьерства, а только радость, самозабвенная, ликующая любовь к жизни, к музыке. О том же говорили его голос, звучный, плотный, с сильными, певучими гласными, сияющие глаза и руки редкой выразительности, руки музыканта.

Так было и в театре, родном БДТ. Сколько ролей здесь переиграно, в скольких спектаклях! А по-настоящему дороги стали лишь те, в которых есть за что «зацепиться» ду-

шой, ощутить своим, близким и вместе с тем пленяющим новизной. Как помог в этом пришедший в театр в 1956 году Г. Товстоногов! Для начала он решительно подвел черту под «голубым» периодом в творчестве актера и решил попробовать его в новом качестве — в магическом кругу характерных ролей.

Товстоногов привил вкус к искусству, чуждому сенсаций, дешевого успеха, изменчивых и прихотливых веяний моды и в то же время неизменно пронизанному точным ощущением времени, философски и поэтически осмысленным на сцене. В репертуаре Стржельчика появились роли, не имеющие, казалось бы, между собой ничего общего. Они были объединены только личностью художника, предоставившего право на истинно драматические переживания даже не совсем положительным персонажам. Таков брезгливо-спокойный, в струну затянутый Сергей Николаевич Цыганов, на мгновение смятый, раздавленный силой собственного чувства к женщине («Варвары»). Или заудливо правильный, тошнотворно педантичный Кулыгин со своей нелепой собачьей преданностью Маше («Три сестры»). За всей беспечной и не всегда драматической ощущались вдруг странная в столь солидном человеке незащищенность и застенчивость, острое сознание своего ничтожества рядом с такой необыкновенной, недостижимой женщиной, на которую он смотрит мягко, просительно, нежно. А то вдруг блеснет виновато взглядом поверх пенсне — «Она добрая, она очень добрая». И при расставании с Вершининым, когда Маша, уже не скрываясь, будет рыдать отчаянно, в голос Кулыгин, совсем теряя голову, замечется в поисках ее шляпы и тальмы. Ведь он — единственный, кто сознает, что более счастливого времени в ее жизни уже не будет.

А спустя буквально несколько лет, — светлый, вдохновенно жизнелюбивый Николай Бауман; или неистовый вояка Генри Хотспер в «Генрихе IV», честолюбивый, прямой, яростно сшибающийся в открытом поединке с врагом, а рядом очаровательный князьенка, «божий одуванчик» в «Хануме» и, конечно же, несчастный, забытый смертью и людьми, библейски печальный оценщик мебели Соломон Грегори в «Цене» А. Миллера. Роль, которая для Стржельчика в театре станет таким же откровением, каким стал образ Ковалевского в кино. Так просто и мудро была нащупана им тема трагического одиночества на пороге небытия, раскрыта логика того возрастного и душевного состояния, что называется старостью, с присущей ей замедленной, спадшей пластикой, внутренней печальной остротностью.

— Наверное, это и есть счастье, — раздумчиво бросает актер, — всю жизнь проработать в любимом городе, в одном театре, иметь таких партнеров и такого «главного», как Товстоногов...

Второй звонок. Пора. На вопрос о друзьях отвечает не сразу и даже не со вздохом, а с каким-то тайным горьким удивлением перед силой своей привязанности, глубиной неразреченного и теперь уже только к памяти обращенного чувства. «Да, был друг настоящий. Ефим Копелян».

Казалось, что могло объединять их... Разные судьбы, ни в чем не схожие темпераменты. Негромкий, сдержанный, горько-скептический Копелян и романтически приподнятый Стржельчик. Но именно в Копеляне Стржельчик всегда искал и находил сердечную опору, поддержку, не стеснялся быть самим собой, открывать уязвимое. В его мудром, мягко-ироничном немногословии обретал утраченное было душевное равновесие. На одной из старых фотографий за шумным праздничным столом они так и выхвачены рядом: почти одинаковое выражение глаз — смященное, доверчиво-распахнутое и лица — отрешенные, совсем не актерские.

Постепенно начинаешь понимать, что сблизало гораздо больше, чем разъединяло. Как странно, а может быть, закономерно, что поколение, которому жизнь явно недодала, все круто поломав, переначив в самом начале, оказалось таким щедрым, безоглядно увлекательным. Через всю жизнь пронесло оно склонность к общественным порывам, личному безотлагательному участию во всем том, что происходит вокруг.

Елена СИЗЕНКО.

● Народный артист СССР Владислав Стржельчик.

Фото В. Плотникова.